

АРТЕФАКТ

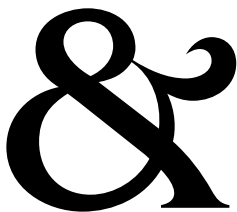

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Елены АРСЕНЬЕВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Бабочки Креза
Камень богини любви
Коллекция китайской императрицы
Письмо французской королевы
Рецепт Екатерины Медичи
Ключ к сердцу императрицы
Магический перстень Веры Холодной
Личный оборотень королевы
Дневник ведьмы
Клад вечных странников
Компромат на Ватикан
Портрет королевского палача
Коварные алмазы Екатерины Великой
Мудрая змея Матильды Кшесинской
Код Васнецова
Проклятый подарок Авроры
Клад маньчжурской принцессы

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

Клад
маньчжурской
принцессы

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

Оформление обложки *Н. Кудри*

Ранее книга выходила под названием
«Любимая девушка знахаря».

В коллаже на обложке использованы фотографии:
narokzaad, Andrey Burmakin, macrowildlife, Ozornina,
begemot_30 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Клад маньчжурской принцессы / Елена
Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. —
(Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-095318-9

Все началось с сущей безделицы. У писательницы Але-
ны Дмитриевой заболела нога. Лечить ее она отправилась
в компании художника по прозвищу Леший к деревенско-
му знахарю Феичу. С этого момента с Дмитриевой стали
происходить странные события. На обратном пути они с
Лешим подобрали попутчика. Именно из-за него машина
заехала в кювет: парень якобы увидел... белого тигра, ко-
торый, по древней амурской легенде, охраняет несметные
сокровища, золотые самородки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095318-9

Ну где возьмешь в природе постоянство!
А у зимы — коварный женский нрав.

Юрий Кузнецов

Леший приехал ровно без двадцати десять, как и обещал, перезвонив накануне вечером. Впрочем, нет, он обещал приехать «без двадцать». В Нижнем Новгороде именно так говорят: «без двадцать», «без пять», «без десять» и даже, кажется, «без пятнадцать». Алёна Дмитриева жила в этом городе почти всю жизнь, но привыкнуть к некоторым его фокусам, особенно лингвистическим, никак не могла и всегда иронически приподнимала бровь, услышав что-то подобное. Ей, конечно, очень хотелось хмыкнуть, но обижать Лешего не стоило. Хотя бы потому, что он был одним из самых близких ее друзей (очень немногих!) и вообще человек хороший. А также хороший художник. Словом, ценность великая, таких людей надо беречь. Вот Алёна и не стала хмыкать, а поднятой брови Леший по телефону все равно не увидит. И она сказала только:

— А сначала говорил — в одиннадцать поедем.

— Кто рано встает, тому Бог дает, ты же знаешь.

— Знаю, — вздохнула Алёна. — Да, я знаю тебя! Спасибо, что не в пять утра, а то ты бы мог...

Вставать в пять утра для Лешего было самым обычным делом, и, может, благодаря этому был он человеком вполне успешным: картины его продавались пусть и не за громадные, но за вполне приличные деньги, достаточные для того, чтобы иногда менять машины, содержать двух жен (нынешнюю и бывшую), а также двух сыновей, взрослого и маленького, ну и некоторое количество любовниц. Количество последних исчислению не поддавалось, было величиной очень сильно переменной, но в то же время постоянной — в том смысле, что любовницы были у Лешего всегда, у него в мастерской вечно толклась какая-нибудь полуобнаженная, а то и вовсе обнаженная натура. И как они умудрялись не сталкиваться между собой и с женами, которые частенько захаживали (причем без предупреждения!) в его мастерскую, можно было только диву даваться. Наверное, у Лешего был развит особый чуй на опасность и нагие красотки успевали спрятаться на втором этаже — за холстами и мольбертами. Или среди ящиков с непомерно разросшимися цветами, которые более напоминали клумбы, а поскольку Леший предпочитал миниатюрных дам, этаких Дюймовочек, им было как нечего делать спрятаться в клумбах и прикрыться листьями и лепестками, чтобы их никто не засек.

Имел место в жизни Алёны Дмитриевой один пассаж... Как-то раз, еще прошлым летом, она шла себе по Рождественской, мимо Речного вокзала, и вдруг грянул бешеный ливень. Просто-таки лавина воды рухнула с небес! Алёна метнулась было к трамваю, но вагон выбрал именно данный

момент, чтобы отойти от остановки. Отошел — а за ним открылась арка, в которой сбоку находилась подъездная дверь. Да ведь это вход в мастерские Союза художников! Там находится мастерская Лешего, дорогого друга, которого Алёна сто лет уже не навещала! Вот и повод.

Алёна в два прыжка перескочила Рождественку (между трамвайными путями уже неслись потоки, готовые захлестнуть рельсы, — ливневая канализация в Нижнем работает кошмарно, а точнее сказать, вообще никак не работает) и с мокрыми ногами влетела под арку. Тотчас вспомнила, что так давно не была у Лешего, что не знает код замка, но дверь оказалась приотворена, и Алёна быстро пошла наверх, на пятый этаж. То есть назывался он пятым, но из-за двух пустых, бесквартирных пролетов внизу был фактически седьмым.

В стародавние времена в этом здании на верхних этажах находились номера с девицами, вроде бы даже где-то здесь размещалась знаменитая и весьма разорительная для клиентов «Магнолия», обслуживающий персонал которой выезжал на стажировку в Париж, вывезя оттуда устрашающий запас французских духов и приобретя настоящий французский шик, что, очевидно, особенно ценилось при занятиях французской любовью. Теперь на лестнице пахло не французским парфюмом, а ужасно воняло газом и жареным луком, потому что как завелся в бывших номерах коммунально-социалистический быт в 20-е годы прошлого века, так и не выводился, и не выветривался. Один раз Алёна шла в гости к Лешему, будучи некоторым образом беременна. Ее вывора-

чивало на каждом пролете, и на четвертом она сдалась перед позывами природы — сбежала вниз, на свежий воздух. Давно это было, давным-давно. И ребенка она того не родила, потому что муж не хотел, и муж уже перешел давно в разряд бывших, и боль по тому и другому поводу стала плюсквамперфектом, а все равно теперь затошнило от одних только воспоминаний!

Чтобы убежать от них, Алёна просто-таки взлетела к двери, украшенной двумя десятками кнопок со звонками и надписями: «Леший, живописец», «Ковалев, график», «Нина Перебокина, керамистка» и все такое, как дверь перед самым ее носом отворилась, и появилась эта самая Нина Перебокина. Алёна ее видела на каком-то вернисаже, а потому сразу узнала.

— Вы к кому? — спросила подозрительно керамистка и сощурилась, чтобы лучше разглядеть незваную гостью.

— Не к вам, — нагло ответила Алёна, которая таких вот допросов терпеть не могла, полагая, что ее внешность способна всякому внушить: человек она приличный, даже более чем, и встречать ее следует не презрительно сощуренными глазками, а радушной улыбкой. — Разрешите пройти?

— Нет, вы должны мне сказать! — истерически вскрикнула Нина. — Здесь у нас не проходной двор, здесь работают творческие люди, и если невесть кто будет бродить по коридорам... Неужели вы не понимаете, что мешаете?! Вы спугнете вдохновение, а его не вернуть, это такая легкокрылая пташка...

Алёна Дмитриева, которая не понаслышке

знала, что такое вдохновение (наша героиня вообще-то была писательница: да-да, поверьте на слово, и больше к этой теме возвращаться не будем), не смогла сдержать усмешки. Прежде всего потому, что вышеназванная легкокрылая пташка панически боится всех и всяческих истерик и непременно норовит упорхнуть, лишь слышит такое вот творческое кликушество. Кстати, судя по всему, подобное и произошло в нескольких мастерских: там и сям открывались двери, выглядывали весьма недовольные, почти сплошь бородатые физиономии, слышались возмущенные голоса:

— Нельзя ли потише? Кто тут орет?

Открылась дверь и из мастерской Лешего, и он сам встал на пороге, имея, как всегда, художественный беспорядок в одежде и взлохмаченные рыжие волосы:

— Нинок, ну чего ты опять крик подняла? Говорю же, нет у меня никого, никого я не жду... Ой, Леночек, ты? Каким ветром?

— Каким ветром... — керамистка демонически захохотала. — Ладно притворяться! Ты ее ждал, потому меня и не пустил на порог. Что, она рановато появилась? Зато я теперь знаю твою очередную девку! Кстати, что-то старовата для тебя, ты ж молоденьких предпочитаешь...

— Сбавьте тон, милочка, — ледяным тоном оборвала ее Алёна. — Как бы вам не пришлось публично извиняться.

— Это моя двоюродная сестра, — внушительно добавил Леший. — Знаменитая писательница Алёна Дмитриева. Так что и правда, сбавь тон, Нинок.

На самом деле Алёна и Леший никакими родственниками не были. Они просто дружили, совершенно платонически, но поскольку посторонние, знавшие, что Леший ни одной юбки не пропустит, а Алёна Дмитриева, фигурально выражаясь, — ни одних брюк, не могли поверить в совершенную безгрешность отношений двух столь темпераментных личностей, то оные личности и выдумали свое родство как алиби. Кроме того, Алёна, подобно Марлен Дитрих, полагала, что постель способна испортить самые лучшие отношения. Леший был ее лучшим другом, и терять его ради того, что можно получить от любого другого мужчины, она не собиралась. Алёнина фотография висела на самом видном месте в мастерской Лешего, там же стояли ее книжки, у нее дома стены были увешаны его картинами, ему единственному дозволено было называть ее жутким, невыносимым именем Леночек (на самом деле наша героиня была, конечно, никакая не Алёна, а самая типичная Елена, да и не Дмитриева, кстати, а Ярушкина, но подлинное имя свое терпеть не могла), и оба страшно гордились выдуманным родством и невыдуманной дружбой.

— Точно, это Дмитриева, — встрял в беседу один из бородатых художников. — Я ее фотку видел в газетах. Да и у Лешего в мастерской снимок висит. Ты зайди, Нинок, посмотри, там даже написано: «Дорогому брату Лёнечке от Алёны». Так что все путем!

Похоже, в голове у керамистки Нины Перебокиной наступило некоторое просветление. Лицо ее приняло сконфуженное выражение, но Алёна не

стала дожидаться естественного развития событий и неминуемого потока извинений, а с прежним ледяным выражением на лице проследовала в гостеприимно открытую дверь мастерской Лешего.

Что рассказала бы Маруся Павлова

Тоска дремучая, а не деревня. Ни клуба, ни кружков, ни танцплощадки... Тощища! Непроглядная отсталость и серость. Ну конечно, что может быть передового и нового в деревушке, притулившейся вокруг монастырских стен? Монастырь, понятное дело, закрыт, сестры — монастырь был женский — разъехались кто куда или по деревне разошлись, прижились тут, не хотят уходить от своих святых мест... А что в них святого, скажите на милость?! Самые что ни на есть разбойничьи места. Маруся читала, что в старинные времена сюда никто не отваживался заходить, даже ради того, чтобы спрямить дорогу, минуя торную. Ну, знать, не напрасно торную проложили по мари, предпочитая лучше гати мостить, чем захаживать в эти края, имевшие непроходимо дурную славу.

Разные легенды гласили о причинах этой славы по-разному. Одна уверяла, что здесь во времена во все уж незапамятные был погост, на котором хоронили только колдунов племени, жившего еще прежде, чем тут появились русские люди. Да и разве колдунов хоронили как положено? Ничуть не бывало. Их не зарывали в землю, а заворачивали в бересту и подвешивали на деревьях. Жуть жуткая! По слухам, место было страшнейшее. Особенно по

осени поздней, когда лист уже облетал, а ветрам нужно было что-то трепать. Вот они и куролесили с теми берестяными коробами... Некоторые сшибали наземь, и по зиме до мертвых колдунов добиралось оголодавшее зверье, а тех, что еще висели, расклевывали птицы. Да уж, место — хуже не придумаешь. Небось в темные безлунные ночи призраки слетались сюда целыми стаями!

Другая байка сообщала, что здесь прижились два варнака с варначкою, бежавшие аж с самого Амура — с золотых рудников. Бежали они не с пустыми руками, а с изрядным запасом краденого золота — и песка, и самородков. Намеревались потом, хорошенько отсидевшись в тиши, золото продать. Однако мужики передрались из-за варначки, которая была вроде как одному женой, а льнула к другому, — да и поубивались взаимно. А куда золото подевалось — сие никому не ведомо.

В третьей легенде говорилось, что в этих местах бил ключ, вода из коего была наделена очень странными свойствами. Человек, ее выпивший, либо с ума сходил, либо заболел чесоткою и от мучений ее исчезал до смерти. Якобы когда пришли сюда уже на постоянное жительство монахини, они ключ засыпали землей и даже камнями забили, а сверху бурелому нагребли, однако вода нет-нет да и просачивалась сквозь землю то там, то сям, и везде, где она являлась, прорастала трава, наделенная теми же свойствами, что и вода в ключе. С виду она ничем от прочей травы не отличалась, скажем, от доброго какого щавеля дикого, однако человек, покушавши щец из такого щавеля,

превращался в безумца или умирал в страшных муках злой чесотки.

В четвертой байке, самой врущей, рассказывалось не про кого-нибудь, а про белого тигра. Нет, ну слыханное ли дело — тигры на Нижегородчине?! Их небось даже и в царское время в зоопарке тут не было. А может, и были. Может, один какой-то взял да и сбежал. Ну а людская молва, с ее склонностью все раздувать, приукрашивать и преувеличивать, разнесла слух до небес. А может статья, слух пустили те самые варнаки: ведь на Амуре тигры, говорят, водятся, в тайге-то их варнацкой. Маруся слышала: бывает тигр, к примеру, бенгальский, а бывает — амурский. Но чтоб в здешних местах да еще какие-то белые тигры водились... Бабы сказки!

Все эти легенды Маруся вычитала в единственной книжке, которая отыскалась в теткиной избе, — не считая Библии и Нового Завета, конечно. Опиум для народа был аккуратно обернут в газетки и носил на себе следы всяческого обережения, ну а книжка с легендами даже названия такого не заслуживала, ибо представляла собой некий оборвыш: без обложки, из переплета нитки торчат, страниц половины нету, и только на титульном листе можно было прочесть, что книжка называлась некогда «Предания Золотой пади», а ее автором был человек по имени Вассиан Хмуров. Книжку эту он не только сам написал, но еще и деньги сам заплатил, чтобы ее издать. Об том тут же, на титульном листе, значилось: «Напечатано за счет авторского пожертвования типографии». Произошло сие во времена незапамятные — аж еще при царе, в 1916 году. Ко-

нечно, тогда самодержавный режим доживал уже последние месяцы (как известно, царя Николашку скинули в феврале 17-го), а все ж это была еще старая Россия — страна поповских бредней и всяческого мракобесия. Но даже и тогда подобную ерунду могли напечатать только за счет «авторского пожертвования». Теперь-то небось писателя, такое насочинявшего, поганой метлой помели бы с типографского порога вместе с его «пожертвованиями», а то и прищучили бы в ОГПУ!

Марусе, конечно, было очень стыдно, что собиратель всяческих бабских сказок Вассиан Хмуров приходился ей родственником. Он был ее дядюшкой, но не родным, а лишь постольку, поскольку был женат на материной сестре, тете Дуне. Дуня Панова вышла за того самого Хмурова, а вторая сестра, Марусина мать, Даша Панова, — за Николая Павлова. И Маруся, значит, была по фамилии Павлова.

Маруся ни дядьку, ни тетку за всю свою восемнадцатилетнюю жизнь ни разу не видела, потому что Хмуровы жили в такой дали и таком уединении, что даже по большим праздникам в город не выбирались. А с другой стороны, как выберешься, на чем? Единственная лошадь Хмуровых давно пала, тетя Дуня об том сестре своей, Марусиной матери, еще когда отписывала. Соседи деревенские — тоже безлошадные, никакой от них подмоги. Раньше можно было в монастыре взять лошадку — и чтобы дров из лесу привезти, и для поездки в город, и для пахоты, конечно, — но с тех пор, как монастырских разогнали, лошади остались только в совхозной конюшне. Но они там были такие ста-

рые и замороженные — не лошади, а сущие клячи! — что их всем миром очень берегли для весенних работ: пахать да боронить. Ну а коли ехать куда, то уж если что-то вовсе из рук вон необходимое, скажем, председателю в район понадобится, отчеты везти...

Письмо с этими жалобами тети Дуни Марусина мать получила два года назад. Когда Маруся его прочитала, она промолчала, чтобы мать не злить (та была на расправу скоро и тяжела на руку), а сама подумала, что тетка клеветает на новую жизнь и совхозную действительность. Что и говорить, крестьянство всегда тяготело к мелкой буржуазии, про то во всех книжках по истории написано. И жители такой глушицы, как Падежино, конечно, никакого не исключение. Недаром даже здесь отыскались кулаки, которых, само собой, всех уже отправили в Сибирь. Ну, подумала так Маруся да и забыла — мало, что ли, у нее, у рабфаковки, было забот! С тех пор два года прошло, но вот приехал в город учиться Петька Заводин, сын совхозного председателя из Падежина, и зашел к Павловым с новым — последним! — письмом от тети Дуни Хмуровой.

Такое странное письмо... Мать, прочитав его, то плакала, то тихонько принималась ругаться, крестя рот, когда с языка слетало крепкое словечко... Маруся помнила с детства эту ее привычку, потом-то мать отучилась креститься: ну что ж, предрассудок, всеми теперь осуждаемый, чай, в соседях у них были милиционер и учительница, при них не больно-то накрестишься, и неловко за темноту и отсталость, да и боязно, еще доложат куда надо, не отбрешешься ведь потом. Письмо мать чи-